

VERONICA KASS

СЕМЬЯ НАПРОКАТ

*или
приручи меня*

Любовь напрокат

Вероника Касс

**Семья напрокат,
или Приручи меня**

«Вероника Касс»

2022

Касс В.

Семья напрокат, или Приручи меня / В. Касс — «Вероника Касс», 2022 — (Любовь напрокат)

По условиям завещания у Мирославы есть всего два года, чтобы родить ребенка. Но как быть, если из-за ужасного случая в прошлом она ненавидит мужчин, а ЭКО ей делать запретили? Именно в этот момент в жизни девушки появляется один из лучших адвокатов столицы и предлагает ей выход из ситуации. Но и сам мужчина кое-что хочет взамен...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вероника Касс

Семья напрокат, или Приручи меня

Пролог

Ласка

– Девочки, всем привет, – прокричала я, забежав в свой салон. – Меня ни для кого нет, все вопросы потом.

Я не смотрела по сторонам, видя перед собой лишь одну-единственную цель – дверь своего кабинета. Мне нужно было срочно забрать документы и свалить из этого места как можно быстрее.

Пока я рылась в столе, дверь распахнулась и в помещение влетел брат. Он напоминал разъяренного быка, кольца в носу не хватало, а вот ноздри раздувались так, что можно было отправлять его на испанскую корриду – без сомнения, он был бы там сейчас самым грозным.

– Ярослав, – пискнула я и, задвинув обратно в стол ящик, отошла.

– Ты думала, я тебя не найду, или что? – Ярик склонил голову к плечу и выжидающе на меня посмотрел. – Два дня бегать от меня по всей Москве.

– Я не бегала, о чем ты, – делано улыбнулась и направилась бочком, вдоль стенок, надеясь как-то обойти разъяренного брата и сбежать из собственного кабинета, неожиданно ставшего для меня мышеловкой.

– Слава, – позвал он меня, предостерегая.

Но куда там, я боялась брата на подсознательном уровне и сейчас была близка к самой настоящей панике. Я рванула к выходу, надеясь на чудо, которого не случилось. Брат схватил меня за запястье и толкнул к стене.

– Мирослава, не зли меня! – прокричал он и тут же стукнул ладонью аккуратно у моего лица, и висящая рядом рамочка с фотографией дружного персонала моего салона красоты повалилась на пол.

– Яр, – тихо шепнула и попыталась сбежать, но куда там, Ярослав схватил меня за плечо и впечатал в стену.

Брат замахнулся, но его ладонь замерла в каких-то считанных миллиметрах от моего лица, кожа на его пальцах натянулась и побелела на костяшках. Казалось, что Ярослав сейчас расплющит мне лицо этими самыми пальцами.

– Я же тебя удавлю, Слава, и мокрого места не останется. Потому что мне будет все равно, понимаешь? – жестко проговорил он, а мне стало тошно, по-настоящему тошно, захотелось свернуться в калачик и расплакаться. – Ведь так и так все твои деньги достанутся непонятно кому.

– Яр, пожалуйста, отпусти, – выдавила из себя отчаянную просьбу, до последнего сдерживая слезы. Плечо пульсировало от боли, но я не опускала взгляд, по-прежнему прямо смотря на брата.

– Мира, отпущу. – Его ладонь чуть отодвинулась, но я не успела вздохнуть от облегчения, потому что пальцы брата тут же сжались на моей шее. – Сейчас придушу тебя собственными руками и отпущу.

– Ярик, – захныкала я, совсем как в детстве, когда просила у него помощи и поддержки.

– Ведь это не жизнь у тебя, Мирка. Ни хрена это не жизнь! – заорал он как ненормальный мне на ухо, а я все же затряслась от рыданий.

– Я не могу, не могу, не могу... – начала бессвязно шептать, захлебываясь слезами, которых неожиданно стало слишком много.

– Ар-р-р, – Ярослав отпустил мою шею и отошел на шаг, разминая ладони. – Мирослава, ты же понимаешь, что выхода нет? Почему ты упрямисься? Неужели это так сложно – переспать с кем-нибудь да залететь? И будет отцу бэбик, мне фирма, тебе деньги. Все, Слава. Все. Это же проще простого.

– Я не могу, Яр... я... – начала объяснять, прекрасно понимая безнадежность этого занятия. Как? Как объяснить двухметровому лбу, что меня до сих пор трясет от одного только мужского запаха. Любого. – Ты же знаешь... – обессиленно произнесла и начала оседать на пол.

Совершенно внезапно в одно мгновение моя жизнь превратилась в сущий кошмар. И если два дня назад я еще могла надеяться на то, что это все злая шутка моего отца или способ проучить, то сейчас, видя перед собой разъяренного Ярослава, я отчетливо начала понимать, что папа не шутил, он был абсолютно серьезен, когда пообещал отобрать все не только у меня, но и у всей остальной нашей семьи, оставив старших братьев практически ни с чем.

– Хватит, Мира! Шесть лет прошло! Шесть! – заорал брат и, подхватив низкий журнальный столик, зашвырнул его в плазму, висящую на стене.

Грохот раздался знатный, и я прикрыла лицо ладонями – пусть делает что хочет, лишь бы меня больше не трогал.

– Я же разобрался с ними, – проревел брат, а у меня к горлу подступила тошнота.

Нет. Нет. Нет.

Я не хотела это вспоминать, особенного то, каким зверем мог быть мой брат. Не хотела, но рвотные позывы никак не прекращались.

Я согнулась пополам, хватаясь за рот, а другой рукой за грудь, и попробовала начать думать о чем-то другом, отвлеченном, а не о крови. Господи боже. Только не о крови, нет.

– Ты же знаешь, на что я способен, Слава.

Знаю. К сожалению, чересчур хорошо.

– И если из-за тебя наша семья лишится половины наших активов, я тебя не пощажу, – брат говорил на удивление тихо, видимо, пока я пыталась прийти в себя, он разгромил весь мой кабинет. Ну и пусть, лишь бы меня оставил в покое, лишь бы ушел...

– Ты меня слышишь?

– Слышу, – прохрипела, не желая разгибаться. Я смотрела на свои черные кеды и считала стразики на них, мне нужно было как-то прийти в себя.

– Тогда я надеюсь, что ты сегодня же приступишь к поиску папаши для своего будущего ребенка.

Я уже открыла рот, чтобы послать братца к черту. Но тут же в голове начали всплывать кровавые образы, и я усиленно закивала, а потом, все же разогнувшись, прошептала:

– Хорошо.

Провела ладонью по лицу, вытирая слезы, и зачем-то повторила – наверное, пытаюсь убедить в этом саму себя:

– Хорошо, я сделаю все, как указано в папином завещании.

Брата перекосило, но он, крепко сжав челюсти, кивнул мне и, развернувшись, покинул мое прибежище. В распахнутую дверь кабинета тут же начали заглядывать работники моего салона. Еще бы. Они, наверное, все слышали.

Я запустила пальцы в волосы и оглянулась. Брат и правда разнес здесь все: сертификаты, прежде висевшие на стенах, теперь грудой валялись на полу. Про рабочий стол, оборудование и лаки даже говорить нечего – все это напоминало одно сплошное месиво.

Мой взгляд зацепился за клатч, и я тут же бросилась к нему, достала телефон, судорожно приложила большой палец, чтобы гаджет считал мой отпечаток, и начала ртыться в последних вызовах.

Затем с трудом поднялась с пола и, уже когда по нужному номеру пошли гудки, обернулась и махнула своим девочкам, чтобы они убрались отсюда вместе со своими любопытными носами.

– Слушаю, – на том конце провода прозвучал приятный низкий голос, от которого по моему телу прошла волна озноба.

– Здравствуйте, Мирослав, это Огнева Мирослава. – Я облизала пересохшие губы, беря у судьбы секундную передышку перед прыжком в пропасть.

Потому что мужчина, замерший в ожидании моего ответа, был ничем не лучше брата, а возможно, и хуже, и, чтобы это понять, мне хватило одной-единственной встречи. Я еще раз оглянулась вокруг: разбросанные разноцветные лаки напоминали сюрреалистическую картину моей поломанной судьбы. У меня не было выбора. Никакого.

– Я согласна на ваше предложение, – четко и ясно проговорила я, понимая, что это единственный способ сохранить саму себя, семью и поставить на место брата.

– Прекрасно, я знал, что ты согласишься, – усмехнулся Мирослав, а меня затрясло от этого самодовольства, напыщенности и раздутой самоуверенности, – поэтому уже начал готовить контракты.

– Почему в множественном числе? – застопорилась я.

– Один для нас с тобой, о котором не будет знать никто, а второй для твоих родственников. Я изучил уже все пункты в так называемом завещании твоего отца. У нас получится сделать это, Мира.

И почему от его уверенных слов меня опять затошнило?

Глава 1

Ласка

Два дня назад

– Людочка, все, я домой, – перегнувшись через стойку администратора, я позвала девушку.

Раздался стук, и тут же из-под стола вылезла девушка, потирающая свою макушку.

– Простите, Мирослава Станиславовна, просто у меня иглолка из рук выпала. – Девушка тут же помахала иглой с широким ушком и длинной розовой ниткой мулине, как бы доказывая, что она не просто так сидела под столом. Я усмехнулась и, перегнувшись еще чуть-чуть, взяла со стола ее канву: выходило что-то красивое.

– Это будет дом?

– Да-да, дом и звездное небо, – мечтательно протянула Людочка и начала воодушевленно рассказывать дальше: – Я прочитала на форуме, что вышивать этот домик нужно начинать на определенные лунные сутки, и когда завершишь работу, то обязательно все сложится с местом жительства. Кому-то одобряют ипотеки, кто-то так покупает квартиры. – Девушка хлопнула в ладони и восторженно посмотрела на меня.

– Оу, – это все, что я смогла выдать из себя. – Удачи тебе, дорогая, с вышивкой и с покупкой дома. Я пошла, ты не забудь все закрыть и включить сигнализацию.

Быстро добежала до машины и, запрыгнув на заднее сиденье, поздоровалась с водителем.

– Что-то вы сегодня быстрее, чем обычно, Мирослава Станиславовна.

– Ой, и не говорите, дядя Ваня, – достала из кармана телефон и начала проверять входящие сообщения, – папа попросил приехать раньше, говорит, у него какое-то срочное дело ко мне. Не знаю, – пожала я плечами и, устало прикрыв глаза, прислонила голову к сиденью.

Дома было тихо, даже прислуги – и той видно не было. Я, не раздеваясь, дошла до кабинета отца и постучала.

– Папа?

– Дочь, милая, проходи, – раздался сухой голос отца, и я переступила порог. – Нам нужно поговорить с тобой.

– Я поняла уже. – Расстегнула молнию на куртке-бомбере и села на стул.

– Милая, не могла бы ты снять эту кофту, – недовольно проворчал отец. – Ненавижу всю эту американщину, ты все-таки девушка, а не член футбольной команды этих самых американцев.

Я покачала головой и стянула свою любимую спортивную куртку-американку с большой синей буквой «М».

– Спасибо, – кивнул отец. Странно, черный топ под грудь, в котором я была, его не смутит. – У меня к тебе важный разговор.

– Ты уже говорил, пап.

– Я изменил завещание.

– Опять? – усмехнулась я, пытаюсь припомнить, какое это уже было завещание по счету.

– Окончательно, потому что я уже все отписал тебе.

– Что, прости? Что значит все? Папочка, ты вообще о чем? – Я сложила руки в замок и наклонилась ближе к отцу, облокотившись о стол.

– То и значит. Нет, я отписал кое-какие активы Ярославу и детям Святослава, ему нельзя много, сама знаешь. – Я потерянно кивнула: да, Свят у нас политик, и почти все его имущество давным-давно переписано на детей и жену. – Даже тридцать процентов нашей корпорации я отписал Яру.

– Папа, ты издеваешься? – не сдержалась я.

Ярослав был одержим нашим семейным делом, лет с шестнадцати начал работать на отца и, кажется, все же обрел счастье два года назад, когда отец ушел на так называемый покой. И теперь вот так с Яриком.

– Пап, да он же меня убьет.

– Это еще не все, – продолжил отец, будто не слыша меня, – есть ряд кое-каких условий, не выполнив которые ты не сможешь вступить в права, и тогда все твое имущество направится в четыре разных фонда еще при моей жизни.

Я тяжело вздохнула, пытаюсь понять, чего же хочет отец.

– Какие условия? – напряженно выговорила и тут же положила ладонь себе на коленку, пытаюсь успокоиться, потому что неосознанно уже вовсю трясла ногой.

– Ты должна родить ребенка.

– Тебе что, внуков мало? – выкрикнула я и подорвалась с места. – Да Свят за всех нас отстрелялся. – У брата было четверо детей, дочь стала олимпийской чемпионкой по художественной гимнастике. Так-то. Отличный генофонд. – Что тебе еще нужно?

– Мне нужно, чтобы ты выбросила из своей головы все эти глупости и наконец-то зажила нормальной человеческой жизнью.

– Это не глупости! А мой, – ткнула себя пальцем в грудь, повышая голос, – мой выбор. Понимаешь, пап? Я думала, вы поняли меня с мамой.

– Ты издеваешься? – ругнулся отец, все же его маска дала трещину и наружу проступили разочарование и отвращение. – Я никогда в жизни не поверю, что ты на самом деле из этих, – он пренебрежительно махнул ладонью.

– Даже вслух произнести это не можешь, – я усмехнулась. – Я лесбиянка, папочка, да-да, – отрапортовала фразу, от которой у меня уже образовалась оскомина на языке, – и не перевариваю, просто не выношу мужчин. Да и детей я тоже не хочу. Но тебе же все равно.

– Мира, это все для твоего же блага, – устало произнес отец и откинулся на спинку кресла.

– Хорошо, – качнула я головой, ища разумные выходы из ситуации, – я обращусь в медицинский центр для искусственного оплодотворения, и они сделают мне бэбика, так пойдет?

– Нет, Мира, нет. Только естественным путем. Это все прописано в бумагах.

– Да ты точно издеваешься! – Я прикусила губу, пытаюсь не расплакаться. Ситуация походила на самое настоящее принуждение. – Где эти бумаги?

– Я выслал их тебе на почту, а то еще порвала бы в приступе ярости, а мне потом заново все распечатывать.

– Не потешайся надо мной, пожалуйста.

– Милая... – начал отец, но я его перебила.

– А что, если я не смогу?

– Мира.

– Нет, ты не понял. По женским причинам – буду пытаться, но не смогу забеременеть, ведь бывает же такое. И что тогда?

– Ну что ж, – задумчиво округлил отец глаза, – значит, судьба у нас такая – потерять все наши активы и остаться нищими.

– Нет, ты точно издеваешься. Господи боже, да ты с ума сошел. – Я подхватила куртку и выбежала прочь из кабинета.

Происходящее походило на идиотский розыгрыш. Только вот предчувствие неминуемой беды поселилось внутри меня и мешало спокойно и взвешенно все обдумать.

Я вышла во двор и набрала дядю Ваню. Если он еще не заехал в гараж, то пускай отвезет меня обратно в город: дома оставаться не было ни малейшего желания.

– Мира, – прозвучал позади голос мамы, я обернулась. – Постой, нам надо поговорить. – Она укуталась плотнее в вязаную накидку и сделала шаг ко мне.

– Я слушаю, мам.

– Дорогая, ты понимаешь, что он решил нас разорить? Хотя бы ты должна обо мне позаботиться.

– Мама! – практически прорычала я и сложила руки на груди. – Не говори глупостей, тебя-то уж он с голой жопой не оставит.

– Мирослава, – мама схватила меня за куртку и начала буквально испепелять своим ледяным взглядом, – послушай меня хорошенько: сколько твоему отцу осталось? Год, два, ну, может, пять...

– А ты оптимистична, – усмехнулась я. – Не боишься, что я ему сейчас пойду это все и выложу? – пожала я плечами.

Почему я должна была понимать эту женщину, если она отказывалась понимать меня? Да, я считала ее родной, хотя таковой она не являлась. Марина была на двадцать пять лет младше отца и, кажется, на целых три года младше моего старшего брата Святослава, но я помнила ее с самых ранних лет. Родная мать умерла, когда мне не было и года. И если братья помнили маму и хоть и приняли Ольгу, но не относились к ней как к родной, то для меня она была единственной возможной матерью. И я ее любила, конечно же любила.

– Мирослава, не строй из себя прожженную жизнью стерву. Тебе не идет.

– А кем мне больше идет быть? Избалованной, инфантильной папиной золотой девочкой? – Я качнула головой, теряя весь свой запал. На подъездную дорожку у дома выехала машина, и я устало спросила: – Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты выполнила все папины условия. Забрала все причитающееся себе наследство.

– А потом поделилась с тобой, да, мам?

– Мирослава, я серьезно, – мама зашипела, сжимая рукав моей куртки еще крепче. – Можешь здесь даже не появляться без теста с двумя полосками.

– Пфф, а че так слабо? Ну вдруг на него кто другой пописает, а? Мелко берете, Марина Юрьевна, уж лучше сразу УЗИ или кровь на ХГЧ, или что там еще бывает?

– Мирослава, не паясничай.

Я выдернула руку из ее захвата и быстро сбежала по ступенькам.

Хотела напоследок бросить ей мучивший меня долгое время вопрос, почему же она не родила сама, раз такая умная, но не стала. Добежала до машины и, запрыгнув внутрь, назвала дяде Ване адрес своей институтской подруги. Больше мне было не к кому ехать.

Мама спустилась с крыльца и долго смотрела вслед уезжающей машине. Когда я увидела ее взгляд, меня передернуло. Понятно, что каждый в этой жизни сам за себя. Ей всего-то сорок три, и остаться ни с чем она не хочет, но вот почему все их проблемы должны решаться за мой счет?

– Мира? – Иоанна, стоящая на пороге в одной пижаме, конечно же, не ожидала меня увидеть. Мы не общались с ней уже пару месяцев.

– Пустишь?

– Конечно, конечно же. Проходи. – Она отошла с порога, и стоило только мне сделать шаг в квартиру, как Ия крепко обняла меня. – Мирка, я так соскучилась.

На глазах навернулись слезы. Мы поссорились с ней из-за глупости: она устроилась помощницей к другу нашей семьи, за которого меня сватали родители, и все время промывала косточки жене Виталия. В один прекрасный день мне это надоело, я попросила ее успокоиться, но она не прислушалась к моим словам.

– Я больше и рта про Самойловых не раскрою, ты только не обижайся на меня, идет? – воодушевленно пропищала Ия, а я слегка поморщилась: как говорится, к хорошему быстро привыкаешь, видимо, так же, как и быстро отвыкаешь от плохого. У Иоанны был ужасный голос, и я ей сочувствовала все годы нашей дружбы, ужасно сочувствовала.

– Идет. Ия, у тебя есть что выпить?

– Что случилось? – Девушка прошла на кухню, ожидая, что я последую за ней.

– Новое папино завещание. – Я со вздохом опустилась за маленький обеденный стол и достала из розовой пластмассовой вазочки свою любимую конфету с белой помадкой.

– И? – Ия поставила на стол кружки и бутылку шампанского. – Прости, бокалы я так и не купила.

– Неужели у Самойлова так плохо платят? – подначила я подругу, а затем все-все ей рассказала и про ненормальные условия отца, и про поведение матери.

Затем мы распечатали это идиотское завещание, которое и завещанием-то, по сути, не было, и начали детально изучать все по пунктам. С каждым новым мне становилось все тяжелее и тяжелее дышать.

– Может, попросить помощи у Виталия Сергеевича? – задумчиво произнесла Иоанна, когда мы сидели на полу, на каком-то допотопном бордовом ковре в цветочек, в грудe листов, и допивали уже вторую бутылку шампанского.

– Ты сейчас серьезно? И чем он мне поможет? Спермой, что ли, поделится? – сказала и засмеялась из-за абсурдности своего предположения.

– Ну а что? Вот смотри. – Ия начала загибать пальцы. – Там же в бумагах что-то было, что нельзя безымянного донора и про искусственное оплодотворение, но Самойлов – он же знакомый.

– Ия, это глупости, – отмахнулась я.

– Ну вдруг он с кем-то договорится или подкупит кого, у тебя же сейчас вообще ничего нет, так?

Я допила шампанское, оставшееся на дне кружки, и, подняв руку вверх, поправила Иоанну:

– Салон мой по всем документам.

– А где все эти документы?

– Как где? У меня в кабинете, – я не понимала, к чему она ведет.

– Мира, если Ярослав захочет надавить, то он сделает так, чтобы и ты осталась ни с чем. Попроси помощи у Самойлова. В конце концов, в его штате числится Соколовский. – Ия взмахнула руками, и я решила ее послушаться, слишком уж убедительно она говорила.

Я набрала номер Виталия и, наболтав ему в трубку какую-то ахинею про взаимопомощь и даже про сперму, стала ожидать приезда мужчины, который пообещал забрать меня и выслушать.

– А что за Соколов? – спросила я уже в тесном коридоре, натягивая кеды.

– Соколовский. Он, наверное, сейчас самый молодой юрист в Москве из числа самых успешных, буквально пару лет назад его карьера пошла в гору сумасшедшими темпами. Но, несмотря на это, он до сих пор числится в штате у Самойлова и не уходит от него, хотя в офисе его никогда не бывает, я за восемь месяцев работы видела его всего пару раз.

– Ия, ты бы себя слышала, – тяжело вздохнула я, прислонившись к двери. – Такое ощущение, что ты сейчас описываешься кипятком от восторга. Уж прости, нельзя же так восхищаться мужчинами.

– Мира, если ты боишься и не любишь мужчин, это совсем не значит, что у остальных все так же. Сколько раз я тебе уже об этом говорила? – Ия воинственно сдула с лица рыжую прядь. – И вообще, он очень похож на твоего брата.

– Надеюсь, на Святослава? – пошутила я, прекрасно зная о безответной влюбленности Иоанны в Ярослава, приключившейся с ней еще на первом курсе универа. Телефон в руках издал звуковой сигнал, оповещающий о входящем сообщении. – Все, Вет приехал. Я ушла. Если выживу, позвоню.

Чмокнула подругу в щечку и побежала вниз, надеясь на то, что я не зря обратилась за помощью к Вету и он и правда мне поможет.

Глава 2

Ласка

Виталий Самойлов, видный мужчина около сорока лет, почти два метра ростом – и в ширину, наверное, не меньше, – ждал меня за рулем своей машины. Я, видимо выпив сильно лишнего, села на переднее сиденье, иначе как по-другому можно объяснить это, если не опьянением. Я никогда не ездила спереди, даже за руль сама не садилась.

С Ветом мы общались хорошо, но мало, все же он был другом семьи и приятелем Свята, а еще в подростковом возрасте уехал служить на Дальний Восток, я тогда, наверное, только родилась. Мы виделись на всяких торжествах и когда он был наездами в Москве. Уже когда я училась в старших классах, наши родители решили нас поженить, но, естественно, ничего из этого у них не вышло: ни я, ни Вет не желали этого брака.

Но именно сегодня я не отказалась бы от любой его помощи и попросила мужчину поделиться спермой. Конечно же, сразу об этом жутко пожалела, а на следующий день, когда впервые встретилась с женой Вета, так и вовсе чуть от стыда под землю не провалилась.

– Приехали, – Вет тронул меня за плечо, припарковавшись возле дома, – я скажу маме, чтобы она тобой занялась, мне самому некогда. Прости, Мир, но у меня тоже не то что дерьмо сейчас в жизни, а дерьмище самое настоящее.

Виталий вышел из машины, а я поплелась следом. Я любила его родителей, особенно Олимпиаду Львовну – маму Вета. Она была удивительной женщиной, властной, но в то же время очень доброй, и она ни капельки не походила на мою маму. Сегодня я видела в этом лишь одни плюсы.

Самойловы меня поддержали, как говорится, обогрели, накормили и спать уложили. Я скинула файл завещания на почту Вету и быстро уснула. А когда проснулась, Виталия уже не было, тетя Липа не отпускала меня практически полдня, допытываясь о том, что же в нашей семье приключилось. Потом она пожаловалась, что Виталечка никак со своей женой притереться не может, а ведь такая же хорошая пара.

Я печально покивала, но мне было не до сострадания, своих проблем хватало выше крыши, и нужно было как-то их решать.

Помощь пришла с неожиданной стороны: в дом Самойловых приехала жена Вета – красивая, высокая и худая как палка девушка. И она, судя по всему, так же, как и я, хотела поскорее свалить из этого дома.

– Давай я тебя подвезу, если тебе в город, – окликнула Вика меня, когда я почти сбежала из столовой.

– Если тебе не трудно, конечно. Я... – запнулась, придумывая, что же ей сказать, ведь тетя Липа буквально две минуты назад соврала, что я приехала этим утром. Значит, остальное знать Вике не нужно. – Меня сюда подвезли, и я без машины, поэтому была бы тебе очень признательна.

Пока мы ехали, я залезла в карту на телефоне и прочитала точный адрес соседнего с офисом Вета здания, чтобы исключить лишние подозрения. Айфон выпал из рук, я нагнулась, чтобы его достать, и наткнулась взглядом на раскрытую медицинскую карту – с таким же диагнозом, как у жены старшего брата. Сама не знаю зачем, но я стащила карту, потому что помнила слова Вета о том, как они с женой старались поскорее уже порадовать Самойловых-старших еще одним внуком.

– Зачем ты ее стащила? – прорычал Вет сразу же после того, как я ему все рассказала, и тут же выхватил из моих рук карту жены.

Какой же хороший вопрос. На который у меня, пожалуй, не было ответа.

– Я не хотела, прости, – начала лепетать бессвязные оправдания.

Для Самойлова произошедшее было неожиданностью, и я очень надеялась, что не делала хуже.

– Вет, а что насчет меня? – спросила я, когда мужчина подуспокоился.

– Я скинул твои файлы Мирославу, он сказал, что сможет тебе помочь. Не уточнял как, но у него есть по этому поводу кое-какие идеи.

Я взвизгнула и тут же повисла у Вета на шее. Господи, да он же подарил мне самое главное – надежду. Возможно, не все так плохо. Возможно, этот самый Соколов, которого так нахваливала Ия, мне и правда поможет.

– Спасибо, – воскликнула я и чмокнула мужчину в щеку.

– А ну отошла от него! Быстро! – раздался женский вопль. Я вздрогнула и отскочила от Вета, с ужасом уставилась на Викторину, которая забежала в кабинет и походила на самую настоящую сумасшедшую. Девушка взяла бокал с бара и запустила им в мужа.

Господи ты боже мой.

Я тихонечко направилась к выходу, когда Вика взяла полную бутылку виски и зашвырнула ту в монитор компьютера. Вет спрятался под стол, а я выбежала из кабинета, часто дыша.

– Дверь можно как-нибудь запереть снаружи? – испуганно прокричала я, подпирая дверь собственным телом, как будто эта разъяренная женщина могла вырваться и разорвать меня на клочки.

– Мира, что случилось? – спросила Ия, горя глазами.

– Ты специально, да? – дошло до меня, – Да ты... ты! А если она его там прибьет?

– Упс. – Иоанна пожала плечами и отвела взгляд, в котором не было ни капли раскаяния.

– Ия, так нельзя.

– Ой, да успокойся, сейчас подерутся, потом помирятся. – Она махнула ладонью и тут же перевела тему: – Ты забрала свои документы? – Я нахмурилась, и подруга, посмотрев на меня как на дуру, произнесла: – По салону.

– Да кому они нужны, Ия!

В кабинете раздался какой-то очень уж сильный грохот, и мы одновременно повернулись к двери.

– Ты что-нибудь слышишь? – шепотом спросила Иоанна.

– Что, совесть проснулась? – Я подошла к двери и прислонилась ухом. – Ничего не слышно.

– А вдруг они и правда там того... ну, поубивали друг друга? – Подруга встала из-за своего стола, остановилась рядом со мной и тоже прислонилась ухом к двери. И именно в этот момент из кабинета донесся протяжный женский стон удовольствия. – Ну тебя, – фыркнула Иоанна и отскочила от двери.

Я же начала глупо хихикать, потому что ситуация и правда напоминала театр абсурда.

– О! Огненные отношения, – произнесла я, поднимая указательный палец вверх, и поспешила к лифту.

Уже на улице в кармане куртки заиграла мелодия телефона, я достала гаджет: на экране светились цифры неизвестного номера.

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, Мирослава Станиславовна, это адвокат Соколовский вас беспокоит, – в динамике прозвучал приятный мужской голос, который, словно сладкая патока, потек по моим венам. Наверное, все дело в контрасте и после голоса Иоанны любой звук покажется по-сумасшедшему притягательным.

– Я вас слушаю, – прикусила губу в ожидании чего-то важного, но сильно ошиблась.

– Мирослава, вы сейчас где? Я думаю, нам нужно встретиться, у меня есть для вас предложение.

Глава 3

Соколов, который на самом деле Соколовский, после того, как узнал, где я, сказал недолго его подождать на первом этаже здания. Я села на мягкие кожаные диванчики и залезла в телефон. Батарейка горела красным и показывала тринадцать процентов, я перевела телефон в режим энергосбережения и именно в этот момент поняла, что больше не одна.

Подняла голову и встретила взглядом с молодым мужчиной: небритым, в черном пальто и черной водолазке, плотно обтягивающей горло. Он стоял в каких-то считанных сантиметрах от меня и молчаливо изучал.

Я видела, как его взгляд блуждал по моему лицу, затем двинулся к ногам, опять вернулся к лицу, волосам, рукам. Мне захотелось это немедленно прекратить.

– Здравствуйте. – Я протянула ему ладонь и, когда он крепко сжал ее в ответ, поняла, что это было моей самой большой ошибкой.

Кожа мужчины была словно раскаленным железом, которое тут же меня обожгло, растеклось по моей ладони и сразу же застыло, крепко фиксируя в своих металлических объятиях. Я дернула рукой, но Мирослав сжал ладонь еще крепче, затем потянул меня на себя, помогая тем самым подняться, и тихо произнес:

– Пойдемте на улицу, прогуляемся, поговорим.

Я кивнула, и лишь тогда он разжал свои пальцы, затем, повернувшись ко мне мощной спиной, пошел на выход, а я выдохнула.

Ведь я не дышала, совсем-совсем.

Как же он был похож на моего брата, Иоанна права. Тот же типаж и аура, от него исходила такая сильная энергетика, что я не могла дышать рядом с ним. На подсознательном уровне ощущалось, что этот Соколов хищник.

Точно, блин, Финист – Ясный Сокол. Взгляд цепкий и прожигающий до основания, словно мужчина, посмотрев на меня один-единственный раз, сразу же все-все про меня понял: чем я живу, чем дышу, что люблю и ненавижу. Жуткое ощущение, единственный взгляд, и я даже близко к нему подходить не хочу. К подобному роду мужчин, потому что он такой же, как и мой брат: сильный, безбашенный и за свои интересы удавит, просто места мокрого не оставит от тех, кто встанет на его пути.

Мне больше не хотелось от него помощи, потому что это могло быть чревато последствиями. И как же я оказалась права: когда Соколовский заговорил, я еле сдержала приступ истеричного смеха.

Шахматист и интриган, он нашел пешку в выгодной позиции и захотел использовать ее по всем фронтам в своей партии.

– Мирослава, вы меня сначала выслушайте, взвесьте все доводы за и против. У вас есть пара дней для принятия решения. – Он подопнул камешек на асфальте лакированным носком туфли, и я тут же уставилась на свои кеды. Да уж, мы смотрелись смешно: я в своей куртке-американке с огромной буквой «М» – и он в дорожном строгом пальто траурного цвета.

– Я слушаю вас.

– Виталий обрисовал мне ситуацию. – Мужчина засунул руки в карманы и отвернулся от меня. – Может, пройдемся?

Я пожала плечами и первая пошла вдоль дороги. Мирослав догнал меня и на ходу продолжил:

– Я могу предложить вам взаимовыгодное сотрудничество.

– И? – поторопила я мужчину, смотря прямо перед собой на спешащих в разные стороны людей.

– Мы заключим с вами контракт, в котором оговорим все рамки дозволенного и... – Он замолчал и остановился, я повернулась в его сторону. Мужчина крепко сжал челюсти, покусал губу, словно в чем-то сомневаясь, а потом мотнул головой, будто прогоняя мимолетное наваждение, и твердо посмотрел мне в глаза. У него были такие пушистые черные ресницы. С ума сойти.

– Ваш отец очень четко к этому подошел и прописал все, что только было возможно. Поэтому если вы хотите получить свою часть наследства, то у вас единственный выход – родить.

– Окей, а чем вы можете мне помочь? – Я склонила голову и из последних сил старалась держать себя в руках.

– Как я уже сказал, мы заключим контракт, во избежание каких-либо неурядиц. Я организую анонимность и клинику, в которой вам, Мирослава, проведут искусственное оплодотворение, и ваш отец никогда об этом не узнает.

– В чем ваша выгода? – напряглась я.

– Этот ребенок будет моим, – спокойно сказал мужчина, как будто о картошке размышлял, купить ему килограммчик или два, – так же как и половина всех активов, которые перейдут к вам от отца.

Убил. Он просто убил меня своей наглостью. В его взгляде не было ни капли раскаяния, лишь четкая уверенность в своих действиях.

– Вы хоть понимаете, что мне предлагаете, Соколов? – зло прошептала, потому что голос пропал.

– Соколовский, – поправил меня мужчина. – Понимаю, – усмехнулся он, приподнимая лишь уголки губ, – Мирослава, это, конечно, жутко некрасиво, да и вообще безобразно с моей стороны. Но уберите всю эту лирику. Я предлагаю вам свою защиту, фамилию и сперму, желая взамен лишь самую малость – половину вашего наследства и возможности, открывающиеся для членов вашей семьи.

– Вы сказали фамилию?

Театр абсурда, не иначе.

– А как иначе, Мирослава? Этот ребенок будет нашим с вами. И мы будем самой идеальной семьей. На людях, естественно. Вашей личной жизни и ваших предпочтений, – он на мгновение скривился, досадливо на меня посмотрев, – я не буду никоим образом касаться, если это, конечно, никак не выйдет наружу и не отразится на моей карьере.

– То есть вы так, между делом, предложили мне брак? Да вы сумасшедший!

– Называйте это как хотите. Вам нужен ребенок. Мне деньги, ребенок и возможности, которые откроются для моей карьеры, если я войду в вашу семью. Я с вами честен, Мирослава, потому открыто говорю, что выиграю намного больше от этого договора.

– Да вы что? А я бы так сама и не поняла. Ну-ну.

– Мира, – предостерегающе рыкнул Соколовский, и я вздрогнула.

– Даже не надейтесь, – зло прошептала, – я ни за что не пойду на это. Да вы точно сумасшедший!

– Хорошо, – Мирослав развел руками. – Я всего лишь предложил вам помощь, – хищно улыбнулся он. – Не хотите даже обдумать мое предложение – тогда справляйтесь сами. – В его глазах загорелся какой-то нехороший огонек, и я инстинктивно отступила на шаг. – В конце концов, у вас же есть ваш салон? Вот и живите на одну лишь прибыль от него, если, конечно, сможете с той прибыли хоть один раз погасить аренду помещения. Но я бы на вашем месте подумал, Мира, потому что у вас нет выхода.

Мне захотелось вцепиться в его холеную небритую рожу и располосовать ее ногтями. Так некстати вспомнилась Вика, которую я еще час назад считала ненормальной. Сейчас же я

поняла, что была бы не прочь разбить бутылку виски о голову рядом стоящего мужчины. И не увидела бы в этом ничего ненормального.

– Всего хорошего, – выдавила из себя вместе с лицемерной улыбкой и, спрыгнув с бордюра, на котором стояла, быстро перебежала проезжую часть.

Подальше, как можно дальше от этого напыщенного индюка. Ведь у него не было ни кола не двора, раз он так хотел моих денег, а вел себя так, словно он Стив Джобс или Билл Гейтс, не меньше...

Глава 4

Мирослав

Огнева была красивой. До безумия красивой. И Мирослав оказался к этому не готов. Одно дело – видеть ее фотографии, представляя очередную избалованную мажорку, сменившую ориентацию со скуки. И совершенно другое – увидеть ее лично, на удушающе маленьком расстоянии. Миниатюрную, худенькую, чистенькую и такую притягательную. Все рецепторы Мирослава обострились, напряглись и настроились на волну девушки, поглощая и впитывая в себя каждый ее жест и каждое движение ласкающих взгляд волос.

Соколовский на какое-то время потерялся: на минуту или две, но он забыл о делах и всех своих планах. Потому что был не готов к такому.

Черт. Эти волосы были для него ударом ниже пояса. Обезоруживающим ударом.

Белоснежные локоны, длинные и пушистые, которые сразу же бросались в глаза, потому что были какими-то нереальными, словно сказочными. А еще потерянный и в то же время холодный взгляд. Да, девушка была самой настоящей Снежной королевой, вразрез с собственной фамилией. Огнева.

Огневые! Они были нужны ему. Соколовский тут же взял себя в руки и озвучил свое предложение Мире. Он ни минуты не сомневался, что девушка его пошлет, это было очевидно. Но вот полыхнувший огонек воинственности в ее глазах стал для него неожиданностью.

Девочка не так-то уж и проста. Ну еще бы, с такими-то родственниками.

Соколовский еще долго смотрел вслед удаляющейся фигурке, пытаясь понять, кого же она ему напоминала. Был такой зверек, маленький, красивый, пушистый и белоснежный, но ведущий хищный образ жизни. У Огневой было то самое хищное начало. Вызов в холодных стальных глазах, которые не были ни серыми, ни голубыми и напоминали настоящую пучину расплавленного серебра.

Мысли убежали в совершенно не том направлении, и Соколовский, развернувшись, пошел к машине.

Ему нужен был этот брак, он бы решил все его проблемы и помог добиться желаемого. Вчера, когда Самойлов скинул ему документы Огнева, Мир чуть не поперхнулся. Не бывает таких совпадений. Не бывает.

Но ему повезло. Чертовски повезло. В общем-то, как и обычно.

Лишь единственный раз судьба не пожалела Соколовского – когда выбрала ему родителей. И, видимо, взамен за эту неудачу все остальное время он получал поблажки от той самой судьбы. Мирослава так и не усыновили, он прожил в интернате до самого выпуска, и это было, как он считал, к лучшему: у него были нужные квоты и льготы. А еще у него были мозги.

Мирослав с младших классов понял, что или ты имеешь жизнь, или она имеет тебя.

И вот сейчас, когда он целых два месяца не знал, как подступиться к Огневой, они самиплыли ему в руки в лице безумно красивой маленькой Снежной королевы.

Ласка.

Он вспомнил, как назывался тот зверек. Милый с виду крошечный звереныш, который в спокойных условиях только и делал, что постоянно охотился.

Хищник. Один из самых мелких.

И если Мирослава и правда нетрадиционной ориентации, она должна вцепиться в его предложение руками и ногами. Сомнений не было никаких. Кроме правдивости слов девушки.

– Лена, – Мир окликнул своего секретаря, сразу как появился в офисе, – свяжись со своим братом и поторопи его.

– Мирослав Данилович, вы о чем?

– Твой брат знает, Лена.

Соколовский зашел к себе в кабинет, сел за любимый стол и выдохнул, оттягивая ворот водолазки. Было не по себе, а в груди странно саднило.

Черт, ну как же хороша. Эта мысль не давала ему покоя.

Он открыл крышку ноутбука и, сразу же разблокировав, вбил в поисковике: Мирослава Огнева. Ссылки было не так уж и много, как и фотографий, но стоило лишь увидеть одну из них, на которой Ласка красовалась в открытом неоновом-розовом купальнике, который слепил глаза, как член Соколовского шевельнулся и начал вставать. Манящая пышная грудь, подтянутый животик и широкие бедра.

Идеальная.

С ума сойти можно, такая красота – и задаром пропадает.

Мирослав в который раз просмотрел все ссылки и все, что можно было найти на поверхности. Он не увидел никакого подтверждения тому, что Мира была лесбиянкой, впрочем, так же как и опровержений. Их тоже не было. Лишь пара статей о возможном браке Мирославы и Виталия. Ни единой фотки с каким-нибудь мужиком, кроме брата Ярослава, не было.

Мир откинулся на спинку кресла и задумчиво прикрыл глаза, отрешаясь от увиденного и восстанавливая дыхание. Успокаиваясь. У него все получится, не могло быть иначе, он слишком долго к этому стремился, и Огневые ему в этом помогут. А уж со стояком в штанах на девушку не той ориентации он как-нибудь справится, не впервой ему было подавлять собственные эмоции и желания. Совсем не впервой.

Жизнь научила цепляться за любые возможности.

– Мирослав Данилович, – приоткрыла дверь Лена, – я звонила Марку, он сказал, что еще полчаса назад все вам сбросил на почту. И еще: Ребров звонил три раза и...

– Что у него опять случилось?

– Он, как и всегда, мне ничего не сказал.

– Ладно, сообщи ему, что у меня сегодня свободный ужин, и забронируй нам столик где хочешь.

Мирослав выпроводил Лену и поспешил вернуться к ноутбуку, ему не терпелось открыть папочку со столь желаемыми файлами.

Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Брат Елены был мастером своего дела, и у Соколовского в сейфе лежала далеко не одна папка с компроматом, собранная благодаря нему. Но на этот раз информации было до скудного мало.

Где училась, как училась, с кем дружила, где работала. Все. Больше о Мирославе Огневой не было ничего. Никакого грязного белья, да и чистого, в общем-то, тоже было маловато. Словно девушка вела жизнь призрака, она даже по клубам не ходила и не тусовалась со своими одноклассниками, пока училась. Дружила с девочкой из бедной семьи, и Мир бы подумал, что вот оно... Вот она, наверное, та самая партнерша, но нет же, в краткой биографии той подруги был список половых партнеров, полностью состоящий из особей мужского пола.

Чего не скажешь о Мира. Из личного о ней была лишь информация о страхе ездить на переднем сиденье автомобиля, но там, скорее всего, дело было в аварии, обошедшейся без тяжелых последствий. Огневой было шестнадцать, а за рулем был Ярослав, который не справился с управлением в гололед и на большой скорости выехал на встречу – слава богу, пустую встречу, иначе бы не было уже ни Ярослава, ни Миры. Машина съехала в кювет, а девочка Мирослава начала посещать психолога. Только вот менялись у нее специалисты с завидной регулярностью, и, судя по всему, пользы от них не было никакой, ведь Мирослава так и не ездила ни за рулем, ни на пассажирском сиденье. Вот и вся личная информация. Мисс загадочность, не иначе. А на первый взгляд и не скажешь.

Соколовский обычно разбирался в людях, для его профессии это было очень важно, но и он мог ошибаться.

Он дал ей три дня и начал подготавливать контракты. Девушка не оправдала его ожиданий, позвонив уже на следующий день. Но, опять же, Соколовский увидел в этом лишь свой просчет. Он не ожидал, что Ярослав Огнев пойдет в наступление против сестры столь открыто, хотя предугадать это он должен был. Мужчины знали друг друга, их знакомство было отнюдь не шапочным, но общались они в такой среде, о которой лучше молчать, потому что подпольные бои были далеки от законности. А уж одному из лучших юристов Москвы там было делать нечего. Совсем-совсем. Чревато для карьеры, так же как и брату политика.

Но все это было слишком давно, словно в другой жизни, Мирослав тогда зарабатывал как умел, а Ярослав развлекался как мог.

Только вот давность тех событий не должна была стать поводом для такого просчета. Видимо, Яр так и остался диким и неуравновешенным парнем, которого Мир серьезно недооценил.

Голос Огневой дрожал, иногда доносились всхлипы, и Соколовскому это ужасно не понравилось, словно под дых заехали. Казалось бы, все пошло даже лучше и маленькая Снежная королева приняла его предложение, но Соколовский, передвинув все свои встречи, собрался и поехал в салон красоты, принадлежащий девушке, именно оттуда она ему звонила. И он, доверяя своему природному чутью, направился к ней.

Потому что так было необходимо. Так было нужно. Почему Мир так думал? У него не было для этого объяснений, лишь природная, звериная чуйка, которая никогда прежде его не подводила.

Не подвела и сейчас.

Глава 5

Мирослав, зайдя в салон Огневой, краем взгляда отметил, что и престижный район местонахождения, и внутренний интерьер так и кричали о высоком уровне, соответствующем элитным посетителям.

Возможно, он погорячился, когда насмеялся над девушкой, предполагая, что та и аренду выплатить не сможет.

– Здравствуйте, – мило улыбнулась администратор, сидящая за стойкой, – вы кого-то ожидаете? Или приехали записать на процедуру подругу?

Мир приподнял в удивлении брови и с ленцой в голосе поинтересовался:

– А мужчины у вас тут что, посетителями не бывают? – Девушка покраснела и, кажется, растерялась. Соколовский не дал ей ответить. Довольно. Он приехал сюда не просто так. – Где кабинет хозяйки?

– Извините, но к ней... – администратор застопорилась, прокашлялась и начала блеять, словно овца: – Она не принимает.

– Где кабинет хозяйки? – повторил Мир, сжимая кулаки, потому что эта беседа его порядком утомила.

Молодой мужчина шагнул мимо, заходя вглубь салона, и приглушенно ругнулся. Следом за основным помещением, большим и светлым, с креслами напротив зеркал, шел длинный коридор, в котором была далеко не одна дверь. Тыкаться в каждую, как слепому кутенку, ему не хотелось. Он повернулся и с нажимом в голосе повторил свою просьбу:

– Проводите меня к Мирославе Станиславовне, – глянул на бейджик, – Людмила.

– Да-да, хорошо, – засуетилась девушка, выбежала из-за стойки и засеменила к кабинету своей начальницы.

Да уж.

От таких работников надо избавляться. Сразу же.

Когда Мирослав зашел в кабинет Миры, он лишь убедился в своем предположении. Всех отсюда гнать поганой метлой, да еще и со штрафами и статьями в трудовой. Просто чтобы неповадно было подставлять хозяйку.

Его Лена грудью бы легла на амбразуру, на пороге каменным изваянием застыла бы, но никого в *его* кабинет без *его* ведома не пустила бы. Может, дело было в их воспитании – Лена с братом росли в том же интернате, что и Мир. И уж кто, как не они, знал, что за свое нужно драть глотку, но отстаивать собственные права до последнего.

– Мира, – он тихо позвал девушку, сидящую на полу в гряде мусора.

Соколовский старался быть спокойным и держать себя в руках. С самоконтролем у него давно не было проблем. Как только он попал в приличное общество, он каждый божий день тренировался выдержке, но сейчас она была готова испариться к такой-то матери.

Мирослав шагнул к Ласке, по пути на что-то наступив. Звук хрустнувшей пластмассы был не таким уж и громким, но именно на него среагировала Огнева: она вздрогнула и резко оглянулась.

– Ах, это вы, – всхлипнула девушка и вернула голову на прежнее место, а именно на колени, которые она обнимала ладонями.

Сейчас она казалась еще меньше – свернувшийся маленький ежик, который непременно использует свои иголки против Мирослава.

Соколовский усмехнулся сам себе, второй день у него в голове прямо телепередача «В мире животных». Станные мысли в нем будила Мирослава.

– Ну и что здесь случилось? – спросил он, присев на корточки рядом с девушкой.

– Какая вам разница? – обиженно прошептала Огнева. – Давайте свои бумаги. Вы же за этим так быстро примчались?

У Мирослава перехватило дыхание. Ведь девочка права, сейчас был бы идеальный момент для сделки, она подписала бы любую всунутую ей в руки бумагу. И в другое время, с другим человеком, Соколовский действительно воспользовался бы предоставленным ему шансом. Только вот Огневу ему не хотелось использовать втемную. Он и так загнал ее в тупик, но хотя бы честно приоткрыл ей карты.

Пускай не все, но все же.

– Ну, во-первых, давай уже на «ты». А во-вторых, прости, но бумаги я с собой не взял.

– Тогда зачем приехали?

Мирослав прищурился, усмехнувшись, и девушка поправила себя:

– Зачем приехал?

– Мне не понравился твой голос, – спокойно произнес он и взял желтый лак, один из многих разбросанных на полу. – Ты сама этим занимаешься?

Для него это было странным, он думал, что Огневой подарили салон и та присутствовала в нем постольку-поскольку, потому что так было модно и положено по статусу.

А сейчас он заметил и сертификаты на имя Мирославы, и грамоты, и много всего прочего, валяющегося одной большой грудой у ног Ласки. И так трогательно выглядела девушка, что у него внутри что-то сжалось. Захотелось притянуть Ласку к себе на грудь и гладить по белоснежным волосам, лишь бы она успокоилась и больше не всхлипывала.

– Только знакомым и на курсах повышения квалификации. Как говорит отец... – Мирослава скривилась и поучительным тоном произнесла: – Тебе не по статусу у всех подряд под ногтями ковыряться.

– А тебе нравится, да? – Девушка кивнула. Мир подкинул на ладони бутылек и крепко сжал его. – Мы можем еще очень долго так сидеть. Может, ты все же расскажешь, что здесь произошло?

– Брат приходил, – шепнула Ласка и словно уменьшилась в размерах, прижалась теснее к своим же коленям.

Мирослав еще раз огляделся и опять выругался, на этот раз очень громко. Огнева подняла голову и удивленно уставилась на него, а сам Мирослав костерил себя последними словами за то, что не просчитал и не продумал все от и до. Теперь бардак в кабинете его будущей жены ему виделся совсем под другим углом.

– Что он хотел? – хрипло спросил Соколовский и сжал желтый лак еще крепче, стекло больше не холодило кожу, оно давно нагрелось.

– Как что? – Девушка пожала плечами и обиженно произнесла: – То же, что и все.

По ее щеке потекла слезинка, и Мир быстрее сделал, чем подумал: он потянулся к лицу девушки и стер большим пальцем слезу с ее щеки.

– Все будет хорошо. Помнишь? Я же говорил, у нас все получится.

Губы девушки задрожали, она подняла свой взгляд на Мира, и ему словно по башке дали. На серебряном дне было столько боли, затаенной обиды и страха, что мужчине стало не по себе. Но он не убрал свою руку. Нет, напротив. Мир распластал ладонь на щеке девушки, ощущая пальцами бархатную и влажную кожу. Должно быть, пока он ехал к ней, Мирослава вдоволь наревелась. Вот тебе и Снежная королева.

– Нужно позвонить в клининговую компанию, – Мир первым нарушил тишину, потому что их гляделки были какими-то ненормальными.

Он смотрел на девушку и никак не мог понять, что же творилось у нее внутри. Зато то, что творилось с ним, он понимал отлично. Ни один нормальный мужик не смог бы устоять перед такой манящей Лаской.

Ни черта она не хищник, а всего лишь маленькая беззащитная принцесса, которая скалила зубы, пытаясь защититься, и на самом деле тряслась от страха.

Соколовского передернуло, когда ему в голову пришла мысль, что Мира, возможно, боялась и его.

Это было неправильно. Это было противоестественно. Она не должна его бояться.

– Пойдем, я отвезу тебя домой, потом договорюсь, и здесь все уберут.

– Мне некуда ехать, – обреченно прошептала Огнева, и Мир понял свою очередную ошибку. В здравом уме никто не сунулся бы обратно к своим родным. В такой-то ситуации.

– Хорошо, поедem ко мне, – решение пришло само собой и показалось ему единственно верным и правильным. Ласка хотела что-то сказать, но он ее остановил, не дав и начать. – Тебе в любом случае придется жить у меня. Не сегодня – так завтра. Так какая разница когда? Я живу в хорошем районе, в приличной квартире – правда, пока она съемная.

Снежная королева медленно прикрыла глаза, а он залип на ее пушистые черные ресницы. Так странно. С таким цветом волос – такие темные брови и ресницы, и заметил мужчина это только сейчас.

Девушка молчала. По-прежнему сидела с закрытыми глазами и не шевелилась, лишь в один момент ему будто показалось, что она сильнее прильнула к его ладони, как кошка в ожидании ласки, но Мирослав тут же над собой усмехнулся. Ничего не изменилось, это он не мог убрать руку с девичьей щеки, тогда как Мирослава просто сидела и не двигалась.

– Хор-ро-ошо, – запнувшись, произнесла она, словно одно-единственное слово далось ей с невероятным трудом и легло на ее плечи бетонной плитой.

Соколовский поспешил убрать руку, пока глаза девушки были еще закрыты и она не видела, что с ним творилось. А творилось с ним что-то ненормальное, до абсурдности ненормальное и ломающее все его четко построенные планы. Мужчина встал, отряхнул брюки и, взяв Миру за тонкое запястье, помог ей приподняться.

Уже находясь в вертикальном положении, девушка вырвала свою руку из его захвата и рванула к лежащему столу, выдвинула один из ящичков, достала какие-то бумаги и, тесно прижав их груди, решительно произнесла:

– Пойдем. – Ее поведение менялось с безумной скоростью.

Всего пара минут, и она больше не была беззащитным зверенышем, которого хотелось укрыть от холода, погладить и приручить.

Девушка, не дожидаясь замершего на месте Мира, направилась к выходу из кабинета. А мужчина приложил руку к губам, ту самую, и облизал большой палец.

Соленый.

Палец был соленым.

А то, что творилось с Миром, было началом конца. И он это прекрасно понял.

Глава 6

Ласка

Мирослав открыл для меня дверь пассажирского сидения, а я все никак не могла прийти в себя. Мне понравилось его прикосновение. Мне не было противно, ни капельки, ни на грамм. Наверное, все дело в том, что я почувствовала теплоту, так необходимую мне, и заботу. Именно ее.

Это так странно.

Еще час назад я думала, что попала в лапы к зверю, преподнесла ему себя на блюде, а сейчас я чувствовала его поддержку и заботу. Да, возможно, он был неискренен и ему было лишь выгодно втереться ко мне в доверие или расположить меня к себе. Но так легко было поверить. Просто закрыть глаза и поверить, что есть на свете человек – мужчина, который поддержит, который не скинет в пропасть, а удержит тебя на краю.

Так легко было в те мгновения поверить в собственный бред. Да, именно бред, ведь у Соколова все было просчитано – от и до. Он даже не стал предлагать мне сесть рядом с ним. Значит, знал о моей фобии. Конечно же, навел обо мне справки и знал если не все, то многое.

Все не знал даже родной отец.

Юрист жил в одной из башен Москва-Сити на девяносто третьем этаже, и у него были не панорамные окна, нет-нет. В его двухуровневых (да, именно так!) апартаментах была панорамная стена длиной в шестьдесят с лишним метров. А высота потолков внушала трепет даже мне.

– Какая у них высота? – спросила я, разинув рот.

Подошла к окнам, из которых открывался вид, казалось бы, на всю столицу.

– Здесь девять метров, где нет разделения на два уровня.

Да, тут была центральная гостиная с диванчиками, креслами, телевизором и белоснежным роялем. Вообще вся обстановка была выполнена в светлых тонах. Напротив этой зоны – крученая лестница, ведущая на второй этаж, там был балкон с функцией коридора, ведущего в разные концы к спальням.

– Я даже спрашивать не буду, где ты берешь на это деньги. – Я взмахнула ладонью и устало опустилась на белоснежный диван.

– Ты забыла? – хмыкнул Соколов. – Я снимаю ее в аренду.

– Ага, – кивнула я, – и отдаешь в месяц миллиона два, наверное. При таком раскладе совсем не удивительно, зачем тебе понадобились мои деньги.

Мирослав сжал челюсти, прожигая меня взглядом, я лишь подняла брови, словно вопрошая: что я не так сказала?

Мужчина правильно понял мой безмолвный вызов и, усмехнувшись, произнес:

– Все правильно, Мирослава. Все правильно. Я очень люблю свою квартиру. Свыкся с ней, так сказать. И был бы не против выкупить ее у хозяев.

– За мои деньги. – Я видела, что мужчина злился, я это прекрасно видела, но не могла ничего с собой поделать и остановиться.

– Да, Мирослава, за твои деньги, – рыкнул он и медленно прикрыл глаза. Через пару секунд он совершенно другим тоном, абсолютно спокойным, произнес: – Пойдем наверх, я покажу тебе комнату, в которой ты будешь жить.

Он не стал подниматься первым и подождал меня, я прошмыгнула мимо него и прыгнула сразу на третью ступеньку. Я поднималась, не оборачиваясь, но чувствовала тяжелый взгляд, направленный мне в затылок.

Поздравляю тебя, Мирослава, человек тебе вроде как помочь желает, а ты его злишь целенаправленно.

Просто его жилплощадь выбила меня из колеи. Эта квартира была шикарной. Такую себе даже Яр со Святом позволить не могли. Первый – потому что вечно экономил на всем и до ужаса был прижимистым, да что о нем говорить, если он до сих пор жил в родительском доме. Для Свята же это тоже было бы неразумной тратой денег, он со своей семьей давно проживал в отстроенном для них огромном доме, и городские стены, как он говорил, душили бы его. А мне? А мне отец даже задрипанную маленькую квартирку на окраине купить не захотел, сама же я не накопила. Всю прибыль от салона я откладывала, мечтала выкупить помещение, но с моими темпами мне потребовалось бы на это десять лет, не меньше.

Мирослав вышел из моей новой комнаты и тут же закрыл за собой дверь, а я, распахнув шторы, с разбегу плюхнулась на кровать. Мягкая и большая. Усталость, несмотря на обеденное время, навалилась сама собой. Наверное, так сказывался стресс и сегодняшняя ссора с Яриком. Хотя случившееся было мало похоже на ссору, это был настоящий торнадо, прошедший по мне.

Пересилив себя, я все же встала и заглянула в гардероб – он был пустым, прошла через него в ванную, там были лишь махровые полотенца и ни одного банного халата. Я в который раз обозвала себя дурой.

Уехать из дома без вещей и не купить их в городе было верхом беспечности с моей стороны. Я настолько перегрузила эмоционально свой мозг, что до меня только сейчас дошло: я уже два дня ходила в одном и том же.

Я вышла из комнаты. Рядом была такая же спальня, как и моя, только пустой гардероб и ванная комната имели отдельные входы со спальни, а не так, как в моей. Я дошла до середины балкона и, оперевшись на него, громко позвала Мира. Мой голос разнесся эхом по огромным квадратным метрам квартиры, оглушая даже меня саму, но никто так и не отозвался. Я пожалала плечами: Соколов сам виноват. В общем, я стряхнула с себя все угрызения совести и, дойдя до другого конца балкона, продолжила изучать, что же таилось за закрытыми дверями.

На первой же и застопорилась. Внутри была огромная ванна, стоящая посреди комнаты, тут были такие же огромные окна от пола и до потолка – конечно же, уже не девять метров, но... Это место было райским, и мне непременно захотелось понежиться в этой ванне. Тут же дала себе мысленную пощечину и захлопнула дверь.

Это все стресс. Это из-за пережитого я так по-ненормальному себя веду.

Следующая дверь скрывала за собой хозяйскую спальню – хотя бы потому, что она была во много раз больше моей и обжитая, то есть в ней были разбросаны вещи. Темные шторы были до сих пор плотно задернуты, создавая полумрак. На кровати лежало несколько рубашек и одни брюки. На кресле несколько зарядных устройств, на столе бумаги, бумаги, бумаги и наушники. Я несмело шагнула внутрь, наблюдая за собственной босой ступней, будто опасаясь, что именно в этот момент появится чудовище из детских страшилок и схватит меня за ногу, а потом, возможно, утащит под кровать. Тряхнула головой и все же зашла внутрь. Стараюсь чрезмерно не разглядывать личное пространство, все же это некрасиво с моей стороны, я дошла до единственной двери.

Гардеробная. Она-то мне и нужна. Я быстро оглядела стройный ряд костюмов, аккуратно висевших на вешалках, и еще раз задумалась о том, что Соколов чересчур богато живет. Зачем ему мои деньги? Или он по уши в кредитах и не может с ними расплатиться? Отодвинув вешалку, посмотрела производителя одного из костюмов и присвистнула. Что ж, вполне возможно, что товарищ адвокат в погоне за красивой жизнью уже и душу заложить успел.

Не твое дело, Мирослава. Главное, чтобы он сдержал свое обещание, нашел специалистов и поделился спермой. Я приложила ладонь к плоскому животу и вздрогнула.

Подумаю об этом потом, когда угодно, но не сейчас. Сейчас мне нужно найти чистую одежду, чтобы она пахла порошком и освежителем для белья, и все.

Я нашла футболку и домашние брюки, они, аккуратно сложенные, лежали на полке с самого края и пахли морской свежестью. Прекрасно. Никаких мужских запахов. То, что нужно.

Я быстро добежала до своей комнаты, помылась и переоделась. Брюки с меня спадали, а затужить их было нечем, поэтому я решила их не надевать. Грязные вещи вместе с нижним бельем закинула в стиральную машинку и, не разобравшись, запустила слишком долгую программу.

Спать больше не хотелось, и я отправилась на разведку первого этажа. Пока хозяин отсутствовал, можно было походить и так.

Глава 7

Первый этаж я изучала намного дольше второго. Нашла специально отведенные помещения для сушки белья и для стирки, косо посмотрела на четыре стиральные машинки, стоящие в ряд, и если честно, то совсем не поняла, зачем они Мирославу. Ведь и в моей комнате была машинка. А мужчина жил один. В общем, странности, да и только.

Когда я прошла через зону, где не было второго этажа и потолки казались по-настоящему неземными, я оказалась на кухне. Над ней был потолок – значит, находилась я где-то под своей спальней или под соседней.

От кухни было только одно название, не было никаких дверей или стен, лишь гарнитур, техника, широкая барная стойка рядом и все те же окна на полстены. Я открыла холодильник и поняла, что безумно проголодалась.

Достала курицу и мясо с намерением все это запечь. Готовить я любила, но не особо умела, поэтому и ограничивалась всегда пароваркой или духовкой.

Время, пока я резала овощи и раскладывала их на противне, прошло незаметно. А когда я все же захлопнула духовку и развернулась, то встретила взглядом с Мирославом. Выглядел он как-то не очень. Взъерошенный, на щеках чуть ли не красные пятна, а глаза горят. Они словно потемнели на несколько тонов. Соколов стоял и не двигался, лишь шумно дышал, вцепившись пальцами в край барной стойки.

Слишком поздно до меня дошло, как, должно быть, все смотрелось со стороны. Я, в его футболке, полуголая, приплясывала на кухне.

Без трусиков.

И... мать божья!

Я же нагибалась, когда ставила противень в духовку. Щеки опалило жаром, а сердце провалилось в пятки. Я скосила взгляд, просчитывая быстрые пути отступления.

Стоило попытаться.

Рванула вдоль окон, обегая барную стойку с другой стороны. Но, видимо, именно в побеге и был мой самый главный просчет, так же как и с Ярославом. Мир в считанные мгновения оказался рядом и, схватив меня, плотно прижал к себе.

Мужчина уткнулся носом мне в шею и шумно задышал. А я ждала, когда же мне станет противно или страшно, но не было ни того, ни другого. Наверное, в моей голове за последние два дня что-то и правда сдвинулось, потому что сейчас в крови бушевал какой-то ненормальный азарт.

Мне внезапно понравилось то, как Соколов тесно прижимался ко мне, ощущение его каменных мышц и шершавых ладоней на моих бедрах.

Пальцы Соколовского плавно заскользили по моим ногам, постепенно задирая футболку все выше и выше, а я пыталась сделать хотя бы несчастный глоток воздуха, но у меня ничего не получалось. Потому что неожиданно для самой себя я почувствовала тепло, так необходимое мне все это время.

От Мирослава шел жар, опаляющий мои бедра. Мне показалось, что я вот-вот сгорю дотла, ведь я знала, что должна оттолкнуть мужчину, отстоять свою точку зрения и свои права, а не плавиться воском в его объятиях.

Но вот одна рука мужчины поднимается вверх и начинает рисовать что-то на моих ребрах, а вторая, напротив, спускается вниз и поглаживает внутреннюю сторону бедра.

Я в отчаянии прикрыла глаза.

Мне захотелось кричать, в первую очередь на саму себя. Но что-то внутри меня жаждало острых ощущений, это *что-то* заставило меня притаиться и замереть в ожидании.

Мирослав начал осыпать мою шею поцелуями, и я выгнулась ему навстречу. От вороха мурашек, бегающих по всему телу, я словно сошла с ума.

Или все дело было не в мурашках? А в языке Мирослава, которым он сейчас облизывал мое ушко. А может, в том, что мое тело зажило собственной жизнью, как в лучших романах о любви, и предало собственную хозяйку.

– Значит, Самойлов мне наврал, – шепнул Соколов мне на ухо и заставил подавиться собственным стоном, который уже готов был сорваться с губ.

Слишком все было остро и необычно.

Мужские руки двигались так быстро и держали так крепко, что я не могла прийти в себя. Не успевала. У меня не было на это ни единого шанса.

Губы Мирослава с какой-то лихорадочной скоростью осыпали мою шею поцелуями. И я все глубже и глубже погружалась в эту пучину чего-то неизведанного.

А я ведь думала, что Мирослав не такой. Он показался мне расчетливым и спокойным. Тем мужчиной, который сначала спланирует десять шагов вперед, потом шагнет лишь один раз и опять начнет планировать. Сейчас же он обрушился на меня как стихийное бедствие, разрушая до основания.

И я дрожала в его руках. Уже дрожала. Но самое главное – запах... От Мира не пахло никакими мужскими духами. Я чувствовала лишь запах морской свежести, тот самый, которым пахла его футболка, тот самый, который мне так понравился.

Я попыталась сдвинуть ноги и все же отступить. Но Мир накрыл ладонью мое лоно, и я задохнулась.

– Не спеши. Мира-а-а, ты такая манящая... А теперь убежать вздумала, – его голос стал настолько низким и хриплым, что я с трудом разобрала слова.

Вторая рука мужчины накрыла мою грудь и стала медленно ее поглаживать, тогда как его средний палец *там, внизу*, начал поглаживать истекающие соком складочки.

Как? Как и когда он там оказался? В такой близости ко мне?

– Соколов, – с трудом выдавила из себя, предприняв еще одну слабую попытку вырваться.

– Соколовский. Ты же хочешь меня, Ласка, – произнес он на выдохе, а у меня все внутри задрожало от того, как он меня назвал.

Так нежно и волнительно.

Но нужно было взять себя в руки, нужно было прекратить это безумие, пока не случилось непоправимое.

– Пожалуйста, ты же знаешь, что я не...

Он не дал мне договорить и вошел в меня пальцем. Я заткнулась на полуслове и вся сжалась от накатившего наслаждения.

– Что ты не? Не течешь на мои ласки? Или не плависься как сыр в духовке? А может, еще скажешь, что не дразнила меня там, у той чертовой духовки? – он произнес все это настолько запальчиво и грубо, что мои ноги подкосились и я сильнее вцепилась ладонями в барную стойку, все еще ощущая внутри себя мужской палец, который сейчас не двигался, то ли давая к себе привыкнуть, то ли выжидая чего-то еще.

– Я не сп-ециально, – прошептала, запнувшись.

– Что не специально? А может, ты подружку ждала? А, Мира? Так позови ее, и мы с ней вместе тебя трахнем. Прямо на этой стойке, как очень плохую девочку.

– Прекрати, – не сдержалась я.

Слова Соколова были ужасными, но я почему-то задыхалась, слыша их.

И совсем не от страха. Определенно не от страха.

Мужчина на мой выпад рыкнул, провел языком по моей шее и зашевелил пальцем.

Господи боже, помоги.

Это было так запретно, так необычно, и я не могла понять, как все *это* остановить. Как заставить себя прекратить, пока не стало слишком поздно.

Ведь не я одна вела себя неадекватно. Поведение Соколова было еще более странным. Почему-то он действовал словно оголодавший зверь, который не пил и не ел много суток, а сейчас ему под нос подсунили шикарнейший бифштекс и целую бочку воды, которую он и решил выпить. Всю за раз.

Я и была той водой, а Мир пил меня – до самого дна.

Мужчина убрал руку с моей груди и взял за подбородок, разворачивая его к своему лицу. А потом он набросился на мой рот. Не дав и пискнуть, поглощая все мои стоны. По телу огненной лавой потекло тепло, парализуя меня. Я прислушивалась к себе и не могла понять, где же ощущения острее: там, где Мир медленно входил в меня своим пальцем, или там, где его губы просто с сумасшедшей скоростью пожирали меня.

Я окончательно растворилась в Соколовском, перестала обращать внимание на его грубые слова и прижалась к мужчине теснее. Я забыла обо всех своих установках и принципах.

Мирослав отпустил мою голову, провел пальцами по плечу, затем ниже по руке и спустился к попке. Он задрал трикотажную ткань футболки и начал поглаживать мои ягодицы.

Это было безумием, в первую очередь моим. Я позволяла ему и себе то, что никогда и никому не позволяла. Я не могла прийти в себя. Просто не могла. Не могла протрезветь и очнуться от этой дымки.

Какими же вкусными были его губы, мягкими и сладкими. Боже, я ведь забыла вкус чужих губ... Как же я давно не целовалась. Даже не вечность, а, казалось, всю жизнь.

Большой палец мужчины начал вырисовывать круги на моем клиторе, и по телу побежали электрические импульсы. Ноги уже давно ослабли, и я из последних сил держалась за барную стойку, но до безумия сильно хотелось накрыть мужскую руку своей, чтобы направить его. Надавить сильнее туда, куда именно я любила. Да, я знала свое тело, знала свои самые чувствительные точки, знала, как доставить самой себе удовольствие, но никак не ожидала, что мужские прикосновения могли сделать со мной такое. Опрокинуть на лопатки, пройтись по мне, словно цунами, перевернув все мое мироощущение с ног на голову.

Все же Мир ласкал меня не так, как я любила, и не там, где я любила, но огонь внизу живота растекался быстрее скоростного поезда, который уже набрал всю свою мощь и был не в состоянии затормозить так, чтобы обошлось без жертв и не случилось катастрофы. Потому что со мной вот-вот именно это и случится – самая настоящая катастрофа, которая погребет меня под своими обломками.

Мозг отчаянно вопил, что его хозяйка свихнулась, а тело продолжало ластиться к мужчине и вздрагивать от каждого его прикосновения. Я кончила, разорвалась на миллиард кусочков, которые тут же притянулись друг к другу обратно, но встали в неправильный пазл, словно собрав из меня совершенно другую картину, не ту, которой я была еще десять минут назад, – я почувствовала это, громко простонав мужчине в рот. А Мир словно озверел: то ли замычал, то ли зарычал, начал покусывать губы, затем осыпать жалящими поцелуями мой подбородок, шею и плечи.

А потом...

Я ощутила его член. Его обнаженный член,двигающийся между полушарий моей попы. Мужчина неторопливо водил своим достоинством по моей заднице, а меня сковало ледяными тисками отращения. Перед глазами вмиг потемнело, и на меня накатила та самая паника, которую я и ждала с самого начала.

Все тело одеревенело, и мне показалось, что я уже вообще ничего не чувствую, что я словно не здесь и не сейчас. Будто моя душа отделилась от тела и воспарила к этому огромному девятиметровому потолку в гостиной Соколовского, но потом сквозь всю эту дымку я почувствовала гладкую головку мужчины и ожила.

Я закричала, начала вырываться, схватила что-то на столе и пыталась этим отбиваться. Я пинала мужчину пятками и локтями. И опять ничего не видела: перед глазами была лишь удушающая пелена, а в нос забился ужасный металлический запах крови.

Я ненавидела кровь.

Как же я ненавидела кровь.

– Мира...

Тихий приглушенный голос Соколовского, словно он говорил через подушку, раздался вблизи, но я по-прежнему ничего не видела. Я и дышать-то не могла, а еще этот запах...

– Успокойся, Мира.

Меня больше никто не держал – это было первым, что я осознала, когда начала приходить в себя. Второе – в моей руке что-то было, а сама ладонь горела огнем. Я разжала пальцы и с ужасом уставилась на то, как на пол, словно в замедленной съемке, начали сыпаться осколки бокала, а следом, капля за каплей, стекать кровь.

И я, кажется, все же потеряла сознание. Потому что не выносила даже запаха крови, что уж говорить о ее виде.

Глава 8

Мирослав

Соколовского буквально разрывало на части. Мира взбесила его своими словами. Вот неумная же. Хотя он и не ожидал чего-то другого – он сам затеял эту игру и сам выложил ей свои карты, прикрыв желание войти в ее семью жадной жаждой больших денег. Ласка услышала то, что хотела. И то, что он хотел, чтобы она услышала. Тогда с чего бы ему так выходить из себя?

Подумаешь, пара колкостей на тему денег. И не такое он на свой счет слышал.

Мирослав показал Огневой квартиру и вернулся в офис, который находился в соседнем здании, на более низком этаже. Без пафоса и прочего. Он располагался там удобства ради, вот и все.

На работе Мирослав не пробыл и часу, слишком сильно ему хотелось назад. Домой. К Снежной королеве.

И когда Соколовский нашел Миру за готовкой, у него в голове что-то помутилось. Девушка была в его футболке, достающей ей до середины бедра.

Черт.

Могла бы выбрать вещь подлиннее и не ту, которую он только этим утром снял с собственного тела.

Член дернулся в штанах, дыхание сбилось, а кровь словно быстрее потекла по венам. Потому что он ощутил такой жар, что в самый раз в прорубь нырять. Лишь бы потушить эту агонию, появившуюся так внезапно. И тут Ласка нагнулась, а Мир увидел ее обнаженные ягодицы и складочки.

Все. Не было там больше адекватного человека. Если только Огнева, потому что Соколовский теперь был далек от адекватата. Он действовал на чистых инстинктах и рефлексках, особенно когда Ласка сорвалась с места и попыталась убежать.

Поймать. Подмять. Заклеймить.

Первобытные инстинкты настоящего пещерного человека взяли над ним шефство и, казалось, уже не отпустят его никогда. Ведь только стоило ему почувствовать вкус кожи Огневой, а затем и погрузиться в нее пальцем, как Соколовский потерялся в этом мире и самой Ласке.

Перед глазами словно пелена. Мужчина больше не видел ничего. Он только чувствовал ее запах, заставляющий его дуреть, слышал тихие стоны, лишаящие его разума, и ощущал подушечками пальцев ее мягкую, словно кашемир, кожу и твердые горошинки сосков. Все в этой девушке в один момент показалось ему совершенным.

Пожалуй, так оно было и раньше, но, лишь когда он почувствовал Ласку в такой опасной, искушающей близости к себе, да еще и практически обнаженную, у него поехали мозги. Не попрощавшись, даже не оставив ему каких-либо напутствий. Поступай, хозяин, как хочешь – нам здесь делать больше нечего.

Вот оно, помутнение рассудка.

Соколовский был так близко, он почти в нее вошел. Он уже не соображал, лишь лихорадочно дрожал от предвкушения, что вот-вот погрузится в манящее тело и почувствует, какая же Ласка сладкая и узкая внутри.

Да, он уже был в ней пальцем, сжавшись вокруг которого она кончила.

Но это все было, блять, не то. Не то. Совсем не то.

Мир провел каменным членом по аппетитно торчащей попке, потеряв головкой о сладкие и влажные складочки, готовясь войти, и в этот миг началось настоящее светопреставление.

Ласка начала дрожать, кричать, вырываться. Она, как самая настоящая дикая кошка, лягалась и царапалась. Мирослав замер, не двигаясь. Тяжело было в такой момент с ходу взять

и прийти в себя. Безумно тяжело, казалось бы, совсем нереально, потому что в этот момент вся его кровь была ниже пояса. Так же как и мозги, собственно.

Он тряхнул головой, еще раз и еще – не помогало. А потом мужчина увидел, как Ласка с какой-то нечеловеческой силой, уж точно не женской, сжала в руке бокал – и тот лопнул. Соколовский мог поклясться, что услышал этот треск, хотя и не должен был.

Но звук бьющегося стекла петардами прозвучал в его голове.

Только вот, когда стекло бьется в таких условиях, оно не звенит. Не звенит так, как сейчас звенело в его башке.

Мужчина отпустил девушку и отошел от нее, она продолжала всхлипывать и кричать, по-прежнему сдавливая бокал еще сильнее, по ее ладони потекла струя крови, и Мир позвал Ласку. Тихо, спокойно, но в то же время очень настойчиво.

И, кажется, она его все же услышала. Разжала пальцы, посмотрела на собственную руку и тут же грохнулась в обморок. Соколовский сам не понял, каким чудом он успел ее подхватить, ведь отошел от нее на приличное расстояние. Мужчина сжал хрупкое женское тело и уложил в мягкое кресло-мешок, которое было как раз на кухне у окна.

В гостиную Огневу он не понес, ведь аптечка была именно здесь.

Соколовский действовал очень быстро. Достал все необходимое, осмотрел рану на предмет осколков, промыл и залил перекисью, пытаясь остановить кровь. Судя по тому, что ему это удалось, порезы были неглубокими.

Значит, они обойдутся и без скорой. Но вот к хирургу – или к кому там? травматологу? – на перевязку все равно сходить надо. Соколовский хоть и забинтовал девушке руку, и на первый взгляд, казалось бы, прилично, но он не был в этом специалистом.

Мужчина отточенными, механическими движениями все собрал обратно, подмел осколки бокала, поставил аптечку и сел на корточки рядом с Лаской.

Мира никак не отпускало. У него, как и всегда, в любой форс-мажорной ситуации включалось критическое мышление. Бывают люди, которые поддаются панике, а у него, наоборот, пропадали все эмоции, разум становился до безобразия чистым и холодным. Только четкие и продуманные действия. Вот и сейчас он сделал все, что нужно, сел на пол рядом с девушкой, провел пальцами по ее запястью и только в этот момент понял, что его все это время потряхивало.

Всякое с ним случалось, но такого не было никогда. За кого она его приняла? Почему так испугалась? Что и когда пошло не так? В голове начали роиться вопросы, на которые у него не было ответов. И что-то ему подсказывало, что и Ласка ему этих ответов не даст.

Красота Огневой слепила, так же как и ее белоснежные волосы, а оголенные бедра девушки провоцировали его по-новой. Мир на секунду прикрыл глаза, отгоняя бестолковые мысли, которые сейчас были совершенно некстати. Он подождет, пока она очнется, и задаст ей вопросы.

Много вопросов. И уже не имело значения, расскажет она ему или нет, – он все равно все узнает. Соколовский чуть сильнее сжал запястье Ласки и, поглаживая его и рассматривая идеальные точеные черты лица блондинки, принялся ждать ее пробуждения. Он специально не стал приводить ее в чувство. Придет в себя сама.

Ничего страшного. Надо лишь набраться терпения и подождать. И как-нибудь при этом перестать пялиться на ее черные подрагивающие ресницы.

Как же он влип. На ровном месте. Совершенно внезапно. Наебал сам себя, называется. Отличная насмешка судьбы. Превосходная просто.

Глава 9

– Привет, – спокойно произнес Мир, хотя был далек от спокойствия, но ему нужно было показать девушке, что все хорошо и переживать не из-за чего.

Стальные глаза Ласки сейчас были словно наполнены тьмой, настолько сильно расширились ее зрачки.

– Не бойся, – мужчина шепнул, понимая, что это из-за страха. Ласка до сих пор боялась, потому и зрачки расширились, и грудь так часто вздымалась.

Он отпустил ее запястье, ругнувшись на себя. Вовремя не сообразил, что это лишнее. Сжал пальцами свою переносицу.

Еще недавно он восхвалял собственное умение действовать в критических ситуациях, а сейчас не мог и двух слов связать. Таких, чтобы они были правильными и в то же время помогли ему вывести Ласку на разговор.

Ему нужно было узнать, что здесь было. Что, черт побери, здесь было? Потому что стоило лишь на мгновение вспомнить, как отчаянно вырывалась Огнева из его рук, так у него кишки скручивались в морской узел.

– Мирослава? – Мужчина кашлянул и продолжил, как ему показалось, не самым лучшим образом: – Не подумай, что я давлю на тебя, но надеюсь, ты должна понимать, что мне нужны ответы.

– Какие? – шепнула Ласка и, прикусив губу, присела. Она подобрала под себя ноги, натягивая на острые коленки футболку. Его футболку.

– Не строй из себя дурочку. Да, я сорвался. Ну уж прости, твой вид воспринимался как приглашение, навязчивое такое приглашение. А после реакции твоего тела на меня отпадают любые вопросы о твоей ориентации, Ласка.

Девушка спрятала лицо в ладонях и замотала головой.

– П-понимаешь, – дрожащим голосом проговорила она, – я терпеть не могу мужчин, понимаешь? – Она убрала руки от лица и серьезно посмотрела на него, – Иногда мне вовсе кажется, что ненавижу. И не надо мне приписывать то, чего нет и не было. Я не люблю вас за одну лишь силу, данную вам от природы. Потому что, увы, вы этой силой, – по ее щеке стекла одинокая слезинка, а Мира в бараний рог скрутило, – очень часто пользуетесь.

Она говорила какими-то ребусами, словно играла с ним в «угадай слово».

При чем тут сила?

В том, что мужчины более приспособлены физически, нет ничего особенного, на то они и сильный пол. Чтобы быть сильными. Чтобы на охоту пойти и пропитание своей семье добыть.

Что она имела в виду? Мирослав почувствовал себя непроходимым тупицей.

– Ласка, тебя... – Речь пропала, Соколовский прокашлялся и, приложив ладонь к груди, постучал по ней несколько раз, пытаясь выбить ком, заполнивший все его внутренности. – Тебя, – он все же спросил, – кто-то брал против воли? – Кашлянул еще раз и крепко сжал ее ладони. – Против твоей воли?

– Не придумывай, – всхлипнула Ласка и вырвала свои ладони из его рук, поморщившись при этом от боли.

Забыла, маленькая, про порез на руке.

– Тогда в чем дело? – Соколовского не отпускало. После случившегося на кухне его до сих пор потряхивало. А сейчас... слова Огневой про силу сами подталкивали Мирослава к таким выводам.

– Я тебе уже объяснила. И, думаю, теперь, – она попыталась натянуть футболку еще ниже, – ну, после того, что ты видел... – Мира облизала пересохшие губы, и Соколовский отвел взгляд: он не мог теперь равнодушно смотреть на ее губы. Не после того, как совсем недавно

облизывал их. Хотя... он с самого начала не мог равнодушно смотреть на Ласку. – Надеюсь, – продолжила девушка, – ты больше не будешь повторять свои ошибки и не будешь лезть ко мне.

Ага. Черта с два.

Соколовский поднялся, отошел на шаг назад, подальше от такого искушения. Ведь Ласка сейчас выглядела до безумия незащитной. Его разрывало на части от желания ее обнять, протянуть к себе и больше не отпускать. И в то же время он прекрасно понимал, что ей это не нужно.

Его объятия – это последнее, чего бы хотелось Огневой.

И дурак поймет. А он не был дураком.

Но как же у него горели руки. Кулаки в прямом смысле чесались, а в крови бурлило давно забытое желание драки, такое, чтобы с кровью и стонами боли.

– Твой брат знает? – неожиданно сам для себя спросил Мирослав.

– Что? – Ласка вздрогнула и подняла на него испуганный взгляд.

– Мирослава, только не говори, что... – слова встали поперек горла.

Ее брат, конечно, был психом еще тем, но не настолько же.

– Что? Нет! – Девушка замотала головой и сжалась вся еще больше. – Нет-нет, Яр ни при чем.

Понятно. Соколовскому нечего было ответить. Ему захотелось добраться до Огнева и выбить из него все ответы, которые у того должны были быть. У кого, как не у него? А еще расставить все точки над «и». Чтобы тот больше не смел лезть к его Ласке.

Но оставлять девушку сейчас – не лучшее решение.

– Там у тебя ничего не сгорит?

Соколовский попытался перевести тему и сместить акценты. Нужно было как-то передохнуть. И ему, и ей. Ласка непонимающе заморгала, но хоть как-то отвлеклась.

– Овощи. Пахнет перцем. Курицей еще. Картошкой, – медленно перечислил он, не рывая зрительного контакта с Мирой.

Серебро. Ее взгляд – настоящее серебро. Соколовский впервые видел у кого-то настолько серые глаза. Зрачки уже пришли в нормальное состояние, и ее взгляд опять плавил Соколовского одной лишь своей глубиной. Это ее сочетание необычных глаз и белоснежных волос могло свести с ума любого. И он не был исключением.

– Запеканка, – пискнула Снежная королева и тут же подорвалась с места, но, не добежав пары шагов до духовки, она остановилась и медленно развернулась. – Я поставила таймер, – ехидно произнесла девушка, прищурившись и посмотрев на него.

Неужели пришла в себя? Так быстро? Быстрее, чем он?

– Мира... – он не договорил.

Девушка смешно поморщилась и приложила ладонь ко лбу. Ласка подняла голову вверх, а он проследил взглядом за ее движением и отчетливо увидел грязные, темные капли, падающие с потолка напрямиком на макушку Снежной королевы.

Глава 10

Ласка

– Что это? – спросила я, с ужасом смотря на черное пятно на потолке.

– А куда ты дела свои вещи, Ласка? – в голосе Соколова не было вопросительных ноток.

Словно он уже знал ответ наперед.

– Постирала, – пискнула я и тут же сорвалась с места.

Мирослав побежал следом за мной. Уже на подступах к комнате я увидела на полу воду.

– Кошмар, – протянула я и застыла на месте.

Оглянувшись на Соколова, тот разулся и уже снимал носки. Ты посмотри на него. Ножки намочить не хочет.

Мирослав зашел в комнату, а я так и осталась стоять на месте. Заглянула в дверной проем и, наверное, ужаснулась бы от количества грязной воды на полу, если бы не была так эмоционально истощена.

Рука все еще болела, а в груди была дыра, через которую из меня словно выкачали все силы.

– Ты так и будешь там стоять? – послышался раздраженный голос Соколова.

– А что мне еще делать? – Все же на цыпочках дошла до двери и попыталась разглядеть, что же там творилось в ванной комнате.

Соколов раскидывал по полу полотенца. Он что, это серьезно?

– Принеси мне еще полотенце из соседней комнаты и позвони вниз в лобби-зону.

– Куда?

– На входе висит трубка для связи с нужным персоналом, Мира. Вызови уборщиков.

– Ты уверен, что не сантехников? – на всякий случай переспросила.

– Уверен, Мирослава. Вся вода, которая могла вылиться, уже вылилась, и машинка закончила стирать твои, как я полагаю, трусики.

Соколов нагло улыбнулся, а у меня вспыхнули, наверное, даже уши. Мужчина в тазик выжал воду с полотенца и опять бросил его на пол, затем поднял второе и все повторил. А я засмотрелась на Соколова: он закатал рукава рубашки, и теперь, когда он напрягал руки, на них проступали вены, и это было... красиво.

Мужчина начал поднимать голову, а я, только тогда сообразив, что пялюсь на него, когда не мешало бы помочь, отскочила от дверного проема и побежала исполнять указания.

Сначала притащила ему гору белоснежных полотенец, которые было безумно жаль, а потом поспешила вниз. С вызовом персонала тоже возникли трудности, я ведь не знала номер апартаментов мужчины, хорошо хоть этаж запомнила, так же как и правильную фамилию «хозяина» всех этих квадратных метров.

На уборку пришли три опрятные женщины среднего возраста, а Мирослав сразу же спустился вниз, я к этому моменту уже достала из духовки запеканку и начала раскладывать еду по тарелкам.

– На, возьми. – Мирослав положил что-то черное на широкую барную стойку.

– Это? – Подошла и аккуратно протянула руку к черной ткани.

– Раз уж тебе так понравилось в моей одежде, то штаны тебе не помешают.

Да, это были штаны. Я поджала губы.

– Пробовала я уже надевать твои штаны.

– Да, я видел, – скривился Соколов. – Мои любимые пижамные штаны. Они на резинке, а эти на завязках, так что не должны с тебя свалиться.

Так.

– А откуда ты знаешь про штаны?

– Ты их кинула на пол, Мирослава.

– Да? – тут же отвела взгляд, потому что мне стало чуть-чуть стыдно.

– Да, – мужчина взял вилку с ножом и разрезал запеканку, – а мне пришлось их выкинуть.

– Любимые, говоришь?

Я натянула брюки. Они и правда были на завязках, я плотно их затужила, потом закатала штанины и села напротив Соколова, он как раз тщательно и задумчиво пережевывал мою запеканку. Сама не поняла, как замерла в ожидании его вердикта.

– Вкусно, – выдал он и воткнул вилку в еще один кусочек, – знаешь, Ласка, плюсов становится все больше и больше.

Я пропустила мимо ушей его замечание.

– Почему Ласка?

– Ты похожа на этого зверька, – беззаботно ответил он и продолжил есть, а мне кусок картошки поперек горла встал.

– Какого еще зверька?

– Из семейства хорьковых, – он растянул губы в улыбке и даже не дал мне вставить и слова. – Мирослава, я привез документы. Это во-первых. Во-вторых, выбил на сегодня нам запись к врачу-репродуктологу.

– Уже? – Я часто задышала, пытаюсь справиться с подступающей паникой.

– А куда тянуть? – Мирослав поднялся, захватил с собой тарелку и пошел к раковине. – Очень вкусно, спасибо.

Мужчина помыл тарелку, подошел ко мне и, судя по минутной заминке и взмаху его рук, хотел положить ладони мне плечи, но в последний момент передумал. Я почему-то расстроилась.

– Контракт, наверное, отложим на завтра. Если сможешь, то вечером все хорошо перечитаешь. Я составил его по максимуму просто. Одежды у тебя, как я понял, нет?

Какой догадливый.

– На подземных этажах есть магазины. А у тебя два часа.

– Ты сейчас издеваешься? – Я развернулась на стуле и уставилась на мужчину. Судя по его серьезному выражению лица, он не смеялся.

– Ну, вид, конечно, так себе. Но, на мой взгляд, проще в какой-нибудь бутик так сбежать, чем ехать в мужских домашних штанах в клинику. Вообще, у них должны быть каталоги одежды, но у меня, увы, нет никаких контактов магазинов с женским тря... прости, одеждой.

«Ладно, Мирослава, ты сама виновата, надо было головой думать», – осадил я сама себя и через силу улыбнулась.

– Хорошо. Два часа мне хватит с головой.

Я крепче сжала вилку, пытаюсь успокоиться. Ведь врач не будет же ничего сразу делать? Должны же быть, наверное, какие-то анализы и прочее.

– Подожди, – я окликнула Мирослава, в последний момент заметив, что он чуть не ушел. – А что все-таки случилось с машинкой?

– В ней нельзя было стирать, Ласка. Шланга отведения воды не было. Для забора был подключен, а вот для слива мистически пропал. – Мужчина развел руками и задумчиво проговорил: – Если он вообще когда-либо был. Я ни разу не стирал в той комнате.

Соколов отвернулся, но я опять его окликнула, словно не хотела, чтобы он уходил.

– Ты пойдешь со мной в магазин? – невинно спросила я.

– Мирослава, это такой намек, чтобы я оплатил твою одежду? – усмехнулся он, и мне захотелось его стукнуть. Больно.

– Это намек на то, что без тебя я не попаду сюда обратно, – ехидно выдавила, гася в себе обиду.

– Точно! – Соколов улыбнулся и ушел.

И вот как мы с ним будем уживаться? Этот мужчина ведет себя так, словно между нами ничего не случилось. Он не доводил меня до оргазма. Не перебинтовывал мне руку, а я не теряла сознание и не топила его квартиру.

– Вот. Ключ-карта. Я еще вчера ее для тебя заказал. – Соколов вернулся, размахивая черным пластиком в руках.

Мужчина положил именную карту на стол и отошел. Самодовольная улыбка не сходила с его лица.

– Вчера, говоришь? – спросила, чувствуя, что закипаю, еще чуть-чуть – и взорвусь.

Самоуверенный кретин.

«Соколовская Мирослава» значилось на карте, а мне пришла в голову дикая мысль, что все это похоже на какую-то спланированную и заранее продуманную акцию.

– Скажи, – сглотнув вязкую слюну, прошептала я севшим голосом, – а ты, случайно, не знаком с моим отцом?

– Случайно нет, – Соколов перестал улыбаться и сложил руки на груди, – но надеюсь в скором времени это исправить. А пока – время, Мира. Время. Нам бы еще к хирургу заехать.

Я даже спрашивать не стала, зачем нам к хирургу. Если только зашить Соколову рот и еще кое-что отрезать. Тогда да – я не против заехать к хирургу.

Глава 11

Сразу после того, как я купила себе пару спортивных костюмов, Соколов вытащил меня из магазина, буквально за шиворот, словно я маленький нагадивший котенок.

– Ты чего такой злой? – прошипела на него, вырывая свою руку из захвата.

– Мы вообще-то торопимся, а ты решила запастись тут шмотьем на пять лет вперед?

– Я выбрала всего два костюма, – возмутилась и, скрестив руки на груди, встала посреди холла.

– А примеряла сколько? Двадцать пять? Ласка, ты полтора часа провела в магазине.

– Я восстанавливала свое эмоциональное состояние, – произнесла более чем спокойно и, задрав подбородок, развернулась и пошла на выход.

Ну подумаешь, залюбовалась костюмчиками. Со мной редко такое бывает, но сегодняшний день – одни сплошные горки, и он все не заканчивается и не заканчивается.

Когда мы приехали в медицинский центр, Соколов и правда повел меня первым делом к хирургу – как выяснилось, из-за руки. Я уже и забыла о своем порезе, а он нет. В груди разом потеплело. Такая ненавязчивая, но в то же время забота о моем здоровье.

Понятно, что Мирославу это лишь выгодно, чтобы я, как породистая лошадка, повышающая его статус, чувствовала себя хорошо. Про отведенную мне роль инкубатора я и думать не хотела. Все же это отец изъявил такое желание, Соколов лишь воспользовался моментом и ситуацией. Понять бы, зачем ему это.

Гинекологом (или, как она себя гордо называла, врачом-репродуктологом) оказалась довольно милая женщина в возрасте, которая, выслушав нас, назначила нам кучу анализов. От количества выписанных направлений у меня чуть глаза на лоб не полезли. Соколов, судя по недовольному тону, тоже возмутился.

– А почему без всего этого нельзя оплодотворить ее моей спермой и все? Мы не ЭКО делать собираемся и не входим в число пар, которые самостоятельно заделать ребенка не в состоянии.

И если сначала мужчина пытался говорить официально, то к концу фразы он все же сорвался. Ведь слово «заделать» ну никак не шло к его образу.

– Мирослав Маркович, здоровы вы или нет, мы как раз и узнаем, все проверив. Допустим, можно попробовать обойтись без гормональной стимуляции. Но...

– Какая еще стимуляция? – казалось, еще чуть-чуть, и Соколов покраснеет как самый настоящей рак.

– Стимуляция яичников для того, чтобы было больше шансов забеременеть изначально.

– Ты уверена, что тебе это все надо? – как-то слегка обреченно спросил меня Соколов, и мне не понравилось его выражение лица.

– А как иначе? – насупилась я и повернулась к врачу. – Скажите, сколько примерно все эти анализы отнимут у нас времени?

– Около пятнадцати дней, если у вас с вашим супругом не выявят никаких заболеваний.

Так странно, но произнесенное ею «супруг» даже не резануло мой слух, уж после «Соколовской Мирославы» на ключ-карте мне, пожалуй, ничего не страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.